среды города и деревни и изучающую его в теснейшей зависимости от устного народного творчества.[14]

Постановка вопроса о роли фольклора в русской литературе XVII в. кажется нам в работе Стендер-Петерсена особенно неудачной. Не отрицая в целом влияния устного народного творчества на письменную литературу, Стендер-Петерсен тем не менее совершенно опустил целую группу произведений, в большой или меньшей степени это влияние отразивших. Так, в истории литературы не нашли себе места «Сказание о киевских богатырях», «Повесть о Сухане», «Повести о начале Москвы», «Повесть о Тверском Отроче монастыре», «Сказание о молодце и девице», «Повесть о купце, купившем мертвое тело» и др.

Возникновение в XVII в. русской беллетристики — одна из важнейших и интереснейших литературоведческих проблем, которую пытается осветить А. Стендер-Петерсен в своей «Истории». Он говорит, что традиционные течения литературы «московского периода» могут рассматриваться отчасти как ветви агиографической прозы, отчасти как стиль народных песен, влияющих на эпическую литературу (309).

В дальнейшем исследовании это положение раскрыто автором не полностью. Если биографии Аввакума, Иулиании Лазаревской, боярыни Морозовой еще являются по своему происхождению житиями и смыкаются в какой-то степени с агиографией, то где же надо искать корни чисто светской беллетристики с характерным для нее вымышленным героем, описанием быта, эротическими сюжетами? Стендер-Петерсен отвечает на этот вопрос только обращением к переводной литературе и ее влиянию на оригинальную русскую прозу. Характеристика Саввы Грудцына как оригинальной комбинации русского Фауста с одним из вариантов чудес Марии и сравнение Фрола Скобеева с плутовским романом ведет Стендер-Петерсена к сопоставлению произведений русской литературы прежде всего с произведениями западными. Но является ли такое объяснение происхождения русской прозы XVII в. верным? Не следует ли прежде всего искать причин возникновения русской беллетристики в условиях жизни русского общества и в предшествующей русской литературе? Такая постановка вопроса кажется нам тем более закономерной, что сам Стендер-Петерсен говорит о влиянии на литературные сюжеты конкретных жизненных ситуаций. Говоря о Фроле Скобееве, он замечает, что история эта рассказана с такой великолепной достоверностью и такой реальной жизненной точностью, что можно предположить — новелла основана на реальном случае из скандальной хроники романовской Москвы (315). Остается пожалеть, что это предположение не нашло у Стендер-Петерсена своего развития, что автор не задался целью установить, лежал ли в основе сюжета о Фроле Скобееве какой-либо действительный случай или новелла основывалась уже на каких-то легендах о нем. Так в свою очередь снова возникает вопрос о фольклорной основе русской беллетристики.

Возможно, что при таком подходе и «Повесть о Горе-Злочастье» не показалась бы автору одинокой и оставшейся без последствий попыткой создать новый стиль и он смог бы найти в ней черты, связывающие ее с другими произведениями.

Мы далеки от того, чтобы отрицать важность переводной литературы и ее влияние на литературу оригинальную. Самый факт этого влияния бесспорен, как бесспорно и усиление роли переводной литературы во вто-

---

[14] В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 137—187 («У истоков русской сатиры»), стр. 221, 226, 280.